

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи О. районного суда города П. Б. от 07 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 18 ноября 2020 года адвокатом А. допущено нарушение взаимосвязанных положений п. 2 ст. 8 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению») и ч. 1 ст. 12 («Участвуя в судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду...») Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в публичном произнесении ею в ходе судебного заседания О. районного суда города П. при рассмотрении уголовного дела № ... в отношении Л. следующих фраз, адресованных председательствующему:

- 13 июля 2020 года – *«т. 11 л.д. 191, материалы дела иногда надо хотя бы читать»;*

- 06 августа 2020 года – *«когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет».*

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, заявила ходатайство о рассмотрении дисциплинарного дела в её отсутствие по причине занятости в судебном процессе (вх. № ... от 23 декабря 2020 года). Совет, принимая во внимание, что адвокат А.

своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, ранее давала объяснения, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката А. в ее отсутствие.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признаёт, что Квалификационной комиссией правильно установлены фактические обстоятельства дела.

Так, установлено, что в производстве О. районного суда города П. находится уголовное дело № ... в отношении Л., обвиняемой по ч. 1 ст. 303 УК РФ и ч. 3 ст. 306 УК РФ. Председательствующим по делу является судья Б. Защиту Л. с 13 апреля 2020 года осуществляет защитник по соглашению адвокат А.

В судебном заседании 07 августа 2020 года судьей Б. в адрес адвоката А. вынесено частное постановление, где содержатся утверждения о том, что адвокат А. в ходе проведения судебного разбирательства по уголовному делу по обвинению Л. в нарушение положений ст.ст. 257, 258 УПК РФ нарушала установленный уголовно-процессуальным законом РФ порядок осуществления правосудия, неоднократно допускала нарушения регламента и порядка в судебном заседании, не подчинялась распоряжениям председательствующего, мешала суду и иным участникам судебного разбирательства, несмотря на замечания со стороны председательствующего, продолжала высказывать реплики и заявлять ходатайства, препятствуя председательствующему судье ведению процесса, на замечания председательствующего не реагировала. При этом судьей Б. в частном постановлении перечислены некоторые высказывания, произнесенные адвокатом А. в судебных заседаниях, и совершенные ею действия. Вместе с тем, в частном постановлении не указано, положения каких именно норм уголовно-процессуального закона или законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре нарушает каждое конкретное высказывание или действие адвоката, и почему именно.

В частном постановлении также указано, что в судебных заседаниях, состоявшихся 26 мая 2020 года и 16 июня 2020 года, при исследовании доказательств стороны обвинения и оглашении государственным обвинителем письменных материалов уголовного дела, защитник – адвокат А. допускала многочисленные реплики по оглашенным материалам, а также заявляла ходатайства о недопустимости доказательств, в связи с чем председательствующим неоднократно делались замечания защитнику за нарушение регламента судебного заседания; при этом защитнику также было разъяснено, что она вправе после того, как государственный обвинитель огласит все письменные материалы дела, высказать свои замечания и дополнения по ним, а также заявить ходатайства о недопустимости доказательств. Однако защитник, несмотря на замечания со стороны председательствующего, продолжала высказывать реплики и заявлять

ходатайства о недопустимости доказательств, препятствуя председательствующему судье ведению процесса, на замечания председательствующего не реагировала.

Адвокат А. в своих объяснениях указала, что 26 мая 2020 года в судебном заседании государственный обвинитель не раскрывал суть доказательств стороны обвинения, а только оглашал даты и названия документов, в связи с чем сторона защиты заявляла ходатайства и возражения, пытаясь обратить внимание суда на недопустимость поверхностного исследования доказательств и возражая против такого способа представления доказательств, поскольку подсудимая должна знать, какие доказательства представляются в судебном заседании в открытом процессе, а не догадываться по наименованию документа, что там содержится. В части 1 ст. 120 УПК РФ прямо указано, что ходатайство может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу, УПК РФ не содержит каких-либо запретов в части заявления ходатайства на этапе оглашения материалов дела государственным обвинителем. Ходатайства заявлялись адвокатом А. корректно, государственного обвинителя она не перебивала. Равенство прав сторон в соответствии со ст. 244 УПК РФ означает равные права стороны обвинения и стороны защиты на участие в исследовании доказательств. Однако судья Б. не создавала равноценных условий стороне защиты для ее участия в исследовании письменных доказательств, представляемых стороной обвинения, а всячески препятствовала этому. Всё исследование письменных доказательств по данному уголовному делу свелось лишь к чтению их названий, без изложения содержания документов. При этом председательствующим в судебном заседании не предоставлялась возможность стороне защиты заявлять какие-либо ходатайства и делать заявления после подобного «исследования» конкретного документа. Поскольку в уголовном деле много томов, сторона защиты пыталась это сделать непосредственно после «оглашения» каждого документа. Адвокат А. указывала судье на то, что таким отношением к исследованию доказательств нарушены положения ч. 1 ст. 248 УПК РФ о предоставлении защитнику реальной возможности участвовать в исследовании доказательств, заявлять ходатайства, однако судья в ответ лишь делала замечания адвокату А., заявляя, что та не подчиняется требованиям председательствующего.

Объяснения адвоката А. Совет оценивает как последовательные, логичные и достоверные. Они подтверждаются содержанием имеющихся в материалах дисциплинарного дела протоколов судебного заседания, из которых видно, что адвокат А. в ходе оглашения государственным обвинителем письменных материалов дела действительно обращала внимание суда на недопустимость такого исследования письменных доказательств, которое ограничивается лишь объявлением названий документов с указанием даты их составления, без изложения их содержания.

Совет соглашается с доводами адвоката А. о том, что подобное исследование доказательств нарушало право ее доверителя на защиту, и

обращает внимание на прямое указание закона о том, что защитник участвует в исследовании доказательств (ч. 1 ст. 248 УПК РФ), а применительно к осмотру вещественных доказательств он вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 284 УПК РФ). Соответственно, и при исследовании письменных доказательств адвокат А. могла обращать внимание суда на содержание документа. Такие действия адвоката являются правомерными, они направлены на реализацию процессуальных прав защитника и не могут расцениваться как препирательство с председательствующим судьёй, воспрепятствование ведению судебного заседания или проявление неуважения к суду.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии в данной части дисциплинарных обвинений нарушений адвокатом А. положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Оценивая доводы обращения судьи Б. о том, что (1) *«18 июня 2020 года в ходе судебного заседания председательствующим защитнику было сделано замечание за нарушение порядка в судебном заседании, при этом, защитник, не дослушав его, перебила председательствующего, продолжив высказывать свое мнение»*, (2) *«30 июня 2020 года в ходе судебного заседания при допросе свидетеля П. защитник заявила ходатайство об оглашении его объяснений в ходе предварительного следствия; суд отказал в удовлетворении заявленного ходатайства, однако защитник в полном объеме огласила данный документ, несмотря на то, что защитнику был вновь разъяснен регламент судебного заседания»*, Совет исходит из следующего.

В соответствии с требованиями пп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обращение признается допустимым поводом к возбуждению дисциплинарного производства, если в нем указаны: конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса; обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с представлением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Между тем, частное постановление судьи Б. в обозначенной части не содержит указания на конкретные обстоятельства несоблюдения адвокатом А. требований законодательства. В нём также не приведены конкретные слова и выражения, которые могли бы быть расценены как *«перебивание председательствующего»*, вследствие чего Совет признаёт эти дисциплинарные обвинения неконкретными и необоснованными.

Оценивая следующие приведенные в обращении высказывания адвоката А.: (1) *«она все равно прочитает так, как ей нужно, бесполезно ее останавливать»*; *«просто суд понимает порядок судебного заседания совершенно по-своему, а не так как это прописано в законе ... если вы считаете, что это не так, и делаете замечание, то она все равно это прочитает и приобщит в любом случае... вы же не можете ее*

консультировать...» (судебное заседание 23 июня 2020 года); (2) «мы столько замечаний получили, ваша честь, меня прям радует это обстоятельство, потому что когда прокурор, таким образом оглашал документы, ему ни одного замечания сделано не было... можно понять, почему?» (судебное заседание 23 июня 2020 года); (3) «нет, я не присяду по той простой причине, что у нас только что допрашивали свидетеля З., и я хотела бы приобщить документы, которые касаются его допроса» (судебное заседание 03 июля 2020 года); (4) «первое, вскрыть конверт, второе, дать диск защите, третье, предоставить возможность включить аудиозапись, прослушать аудиозапись» (судебное заседание 15 июля 2020 года); (5) «может быть, вы знаете, потому что у вас какое-то предвзятое отношение уже сложилось» (судебное заседание 07 августа 2020 года), Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии нарушений в описанных действиях адвоката А. в судебном заседании. Так, Комиссия, проанализировав протокол судебного заседания, где содержатся вышеперечисленные фразы, породившие претензии со стороны заявителя, справедливо указала, что адвокат вправе возражать против действий председательствующего и высказывать свое мнение о допущенных, по его мнению, нарушениях закона и этики со стороны председательствующего. При этом Комиссия обоснованно сослалась как на применимые нормы уголовно-процессуального законодательства, так и на нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, а также на прецедентную практику Европейского Суда по правам человека (Постановление по делу «Амихалакиоаэ (Amihalachioaie) против Молдавии» от 20 апреля 2004 года (жалоба № 60115/00), § 27; Постановление по делу «Никула (Nikula) против Финляндии» от 21 марта 2002 года (жалоба № 31611/96), § 45; Постановление по делу «Шепфер (Schöpfer) против Швейцарии» от 20 мая 1998 года (жалоба № 25405/94, § 29-30) и ряд других).

Анализируемые высказывания адвоката А. не содержат грубых и неуважительных по отношению к суду выражений.

На этих основаниях Совет признаёт, что указанные высказывания адвоката А., как по содержанию, так и по форме, не выходят за пределы допустимого изложения адвокатом своего мнения в судебном заседании и не образуют дисциплинарного нарушения.

Квалификационная комиссия признала дисциплинарным нарушением следующие высказывания адвоката А.: «т. 1 л.д. 191, материалы дела иногда надо хотя бы читать», и «когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет». Однако Совет не может согласиться с тем, что этими высказываниями адвокат А. проявила неуважение к суду и допустила поведение, не соответствующее деловой манере общения. Совет подчёркивает, что в оценке данных высказываний адвоката А., как и в предыдущих рассмотренных случаях, прежде всего надлежит исходить из того, что адвокат вправе возражать против действий председательствующего и высказывать свое мнение о допущенных, по его мнению, нарушениях закона и этики со

стороны суда. Следует также учитывать устную форму изложения, когда отсутствует возможность переиначить высказанное, облагородить фразу или опустить ее до того, как употребленное выражение станет достоянием слушателей (См. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04 декабря 2003 года по делу «Гюндюз (Gunduz) против Турции» (жалоба № 35071/97)).

Первое анализируемое высказывание: «...материалы дела иногда надо хотя бы читать» Совет расценивает как форму обращения адвокатом А. внимания на то очевидное обстоятельство, что все участники производства по делу должны знать содержащиеся в нем материалы. В этой связи Совет обращает внимание на то, что в составленном судьями Верховного Суда РФ под редакцией его председателя В.М. Лебедева пособия «Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ» на вопрос «Обязан ли судья тщательно изучить уголовное дело, которое он принял к своему производству?» дан следующий ответ: «Судья, как и иные участники процесса, обязан хорошо знать материалы уголовного дела. Отсутствие такого знания не позволит ему качественно выполнять свои профессиональные обязанности, поскольку уже на этапе подготовки к судебному заседанию он обязан принимать решения с учетом всей содержащейся в деле информации» (М., 2008, 2-е изд. С.270).

Совет также принимает во внимание то, что, как следует из протокола судебного заседания, адвокат А. в ответ на высказанную ей председательствующей судье претензию по поводу анализируемой реплики обратила внимание, что никаких замечаний суду не делала.

О том, что опасения адвоката А. относительно степени осведомлённости председательствующей судьи о содержании материалов дела не беспочвенны, говорит также следующее обстоятельство. Согласно протоколу судебного заседания от 13 июля 2020 года, со стороны председательствующей судьи не последовало никаких возражений на следующие высказывания в её адрес адвоката А.: «вы тоже видимо все не помните уже» и «вы тогда не знаете, о чем я спрашиваю».

Оценивая высказывание адвоката А.: «когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет», Совет обращает внимание на следующее существенное обстоятельство. Согласно протоколу судебного заседания от 13 июля 2020 года и от 6 августа 2020 года, председательствующая судья во время допросов свидетелей неоднократно снимала вопросы защитника А., а также пыталась указывать ей, какие вопросы следует задавать и как их формулировать. Реакция на такие неправомерные действия председательствующей судьи, помимо рассматриваемой фразы, содержится и в иных зафиксированных в протоколе судебного заседания от 6 августа 2020 года высказываниях адвоката А.: «почему этот вопрос не нравится суду, я не понимаю», «видимо такой способ суда всячески препятствовать оглашению протокола допроса».

В высказываниях адвоката А., которыми она выражала протест против воспрепятствования судом реализации ею своих профессиональных полномочий, не используются грубые слова или словосочетания. В первом анализируемом высказывании содержится правомерное пожелание суду хорошо знать материалы рассматриваемого уголовного дела, а во втором – столь же правомерное указание на отсутствие у адвоката А. потребности в помощи суда при формулировании и постановке вопросов, задаваемых в ходе допросов свидетелей.

Совет вновь подчёркивает, что протестное поведение адвоката в судебном заседании, вызванное воспрепятствованием его профессиональной деятельности и направленное на обеспечение возможности надлежащего осуществления защиты доверителя, выраженное в корректных формах, не может расцениваться как неуважение к суду и в полной мере соответствует обязанности адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации способами (п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Более того, Кодекс профессиональной этики адвоката (п. 1 ст. 8) предписывает исполнять эту обязанность принципиально и активно.

Как уже отмечалось ранее, дисциплинарные органы адвокатского самоуправления не исключают, что в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность, однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката (Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы» за 2002-2014 гг., М., 2014. С. 205).

В соответствии со ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката установленные им правила профессионального поведения основаны, в том числе, на традициях адвокатуры. Ранее по подобному поводу Московский Совет присяжных поверенных разъяснял: *«Указывая на беззаконие и злоупотребления и называя вещи своим именем, присяжный поверенный лишь исполняет свой прямой долг, который возложен на него законом, и к которому судебные места должны относиться с благодарностью, памятуя, что все лица и учреждения, входящие в состав судебного ведомства, поставлены для того, чтобы преследовать одну и ту же цель – правильное отправление правосудия на почве закона и справедливости»*. (А.Н. Марков «Правила адвокатской профессии в России». М. 1913).

При таких обстоятельствах, учитывая, что высказывания адвоката А.: *«т. 1 л.д. 191, материалы дела иногда надо хотя бы читать»*, и *«когда я формулирую свой вопрос, я не нуждаюсь в комментариях в этом вопросе у суда и в консультациях за ваш счет»*, не умаляют авторитет судебной власти, не содержат некорректных, неуважительных слов и выражений, высказаны в устной форме, обусловлены воспрепятствованием профессиональной деятельности адвоката и были произнесены адвокатом в контексте возникшей полемики с председательствующим, исключительно в интересах

защиты своего доверителя. Совет, вопреки ЗаклЮчению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой оценке деяния адвоката и толковании Кодекса профессиональной этики адвоката, не усматривает в этих высказываниях адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, совершённого умышленно или по грубой неосторожности, и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи О. районного суда города П. Б. от 07 августа 2020 года № ... (вх. № ... от 17.08.2020), вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков